

ЛЮДИ РОССИИ

С. В. Тютюкин

Александр Керенский

страницы политической
биографии

(1905—1917 гг.)

Александр Керенский

страницы политической
биографии (1905—1917 гг.)

С. В. Тютюкин

А. Ф. Керенский в 1917 г.

ЛЮДИ РОССИИ

Институт российской истории РАН

С. В. Тютюкин

Александр Керенский
страницы политической
биографии
(1905—1917 гг.)

Москва
РОСПЭН
2012

УДК (94)47
ББК 63.3(2)524
Т98

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-01-16088д

Рецензенты:

*доктор исторических наук А.Е. Иванов
доктор исторических наук В.П. Булдаков*

Тютюкин С.В.

Т98 Александр Керенский. Страницы политической биографии
(1905–1917 гг.) / С.В. Тютюкин. — М.: Российская политическая
энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 309 с. — (Люди России).

ISBN 978-5-8243-1688-9

В книге прослежены основные этапы политической деятельности А.Ф. Керенского в 1905–1917 гг. Главное внимание уделено его работе в IV Государственной думе и Временном правительстве, где он был министром юстиции, военным и морским министром и министром-председателем. В основу книги положены многочисленные документальные и мемуарные источники.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-8243-1688-9

© Тютюкин С.В., 2012
© Российская политическая
энциклопедия, 2012

Содержание

Введение. Два образа А.Ф. Керенского в отечественной историографии	4
Глава 1. Первые встречи с российской политикой	25
Глава 2. В царском парламенте: становление профессионального политика	38
Глава 3. Великая война — пролог новой русской революции	67
Глава 4. Прорыв во власть	107
Глава 5. «Заложник демократии»	130
Глава 6. «Главноговаривающий»	164
Глава 7. Во главе государства	202
Глава 8. Несостоявшийся мятеж	234
Глава 9. Политическая агония	265
Заключение. Еще раз о феномене Керенского	290
Именной указатель	302

Введение

Два образа А.Ф. Керенского в отечественной историографии

В жизни, а потом и у историков подчас бывают, говоря словами А.С. Пушкина, странные сближения. В 1917 г., например, весь мир узнал, что в России, уже вторично за XX столетие объята революционным пожаром, неожиданно появились два премьера-социалиста — эсер Александр Керенский и марксист-большевик Владимир Ульянов-Ленин. Оба они, строго говоря, пришли к власти явно неконституционным путем: первый — в результате Февральской революции, а затем корпоративного сговора между членами возникшего в марте Временного, но «задержавшегося» на достаточно длительный срок правительства, а второй — после победы организованного им революционного переворота, выбросившего Керенского, по терминологии того времени, «на свалку истории».

Любопытные черты сходства в биографиях этих двух политических лидеров были уже и до 1917 г. С разницей в 11 лет они родились оба 22 апреля (только Керенский по старому стилю, а Ленин — по новому) в одном и том же провинциальном приволжском губернском городе Симбирске, в очень похожих друг на друга и вполне благополучных дворянских семьях, главы которых успешно занимались педагогической деятельностью, а их жены заботливо растили каждая пятерых детей. И Керенский, и Ульянов закончили гимназии с золотыми медалями, оба получили университетские дипломы юристов, оба начали трудовую деятельность в Петербурге помощниками присяжных поверенных. Оба на собственном опыте рано узнали, что такое царская тюрьма, и оба, хотя и по-разному, приняли участие уже в Первой российской революции 1905 г., причем Керенский даже пытался вступить тогда в эсеровскую террористическую организацию и стать ни много ни мало, как цареубийцей.

Впрочем, в остальном их судьбы уже и тогда не совпадали. Ульянов после казни старшего брата за участие в подготовке покушения на царя Александра III рано занялся подпольной революционной работой, провел 3 года в сибирской ссылке и 15 лет в западноевропейской эмиграции. Он навсегда связал свою судьбу с марксизмом и социал-демократической рабочей партией, тогда как Керенский больше симпатизировал неонародничеству и партии эсеров. При этом после 1905 г. он отошел от активной революционной работы и избрал для

себя другое поприще служения освободительному движению сначала в качестве адвоката, защищающего в суде его участников, а с конца 1912 г. в роли оппозиционного депутата IV Государственной думы, возобновив в 1915–1917 гг. и связи с эсеровским подпольем.

Весной 1917 г. на гребне революционной волны Керенский буквально прорвался во власть и, не затрагивая основ буржуазного строя, занялся крупномасштабным экспериментом по превращению России из вчерашней «страны рабов» в свободное демократическое государство западного типа. У Ленина же была тогда уже совсем другая цель: привести к власти своих сторонников — большевиков и начать уже другой, еще невиданный в мировой истории эксперимент по строительству в отсталой крестьянской России социализма, а затем и коммунизма.

Но если эксперимент Керенского бесславно закончился после победы большевиков уже в октябре 1917 г., то эксперимент Ленина и его наследников продолжался до конца XX в. При этом результаты провала усилий того и другого оказались во многом схожими. Керенский, пережив весной и летом 1917 г. короткий период славы и поклонения многих своих сограждан, надолго был затем забыт и стал объектом их издевок и презрения. Шумная же слава Ленина и особенно его наследника Сталина в годы правления коммунистов казалась вечной, но закончилось дело опять чисто по-русски — ниспровержением памятников прежним вождям, осуждением и осмеянием «коммунистической утопии» и особенно практики так называемого социалистического и коммунистического строительства. И точно так же, как Керенский пал в свое время жертвой не только своих собственных ошибок и индивидуальных слабостей, но и общей отсталости, нецивилизованности России и той смуты, в длительную полосу которой наша страна вступила с начала XX в., так и причины краха коммунизма в СССР тоже объяснялись целым комплексом причин экономического, политического и социокультурного характера.

Поистине феерическая карьера, которую 36-летний Керенский сделал в 1917 г., став самым молодым в истории России ее премьером (уже в 1990-е гг. этот его «рекорд» повторили два других премьер-неудачника Егор Гайдар и Сергей Кириенко), а потом столь же стремительный и фатальный его провал, естественно, не могли не вызывать повышенного интереса уже у современников. Причем закат политической карьеры Керенского осенью 1917 г. сразу же отразился и на отношении к нему «среднего» россиянина, уже не сравнивавшего его, как было еще совсем недавно, с Наполеоном или Гарибальди и как-то сразу переставшего видеть в нем «первую любовь русской революции», «первого гражданина новой России», «народного министра», «министра правды» и т. д. По стране сразу же поползли без-

основательные слухи о будто бы еврейском происхождении Керенского (в тогдашней России, да и позднее на евреев любили сваливать все беды народа и страны в целом), его пристрастии к наркотикам и чуть ли не о психическом расстройстве. В дальнейшем это получило продолжение в широко распространенной в советское время легенде о трусливом бегстве Керенского из Петрограда в октябре 1917 г. в женском платье (в действительности он скрылся неделей позже из Гатчины, переодевшись матросом). В итоге в октябре 1917 г. защищать Керенского не захотел уже никто, и ему осталось только тайно исчезнуть в 1918 г. из России.

Для Ленина стоявший на его пути к власти Керенский был воплощением множества далеко не лучших человеческих качеств («лгунишка», «болтунишка», «хвастунишка»), политического оппортунизма, предательства интересов народа и пособничества российской и международной буржуазии¹. Даже столкновение Керенского с генералом Корниловым Ленин оценивал просто как случайную якобы ссору корниловца Керенского с мятежным генералом, причем Керенский и после провала корниловщины продолжал оставаться в «интимнейшем союзе» с другими корниловцами и готов был сдать Петроград немцам для удушения революции². Очень показательно, что даже определения «демократ» и «социалист» применительно к Керенскому Ленин неоднократно брал в кавычки.

Существует мнение, что в политической борьбе допустимы любые полемические приемы, в том числе и далекие от общепринятых этических норм, причем Ленин не был здесь исключением. Но гораздо хуже и тревожнее было то, что на протяжении всего советского периода ленинские оценки Керенского и «керенщины» (этот презрительный термин должен был символизировать резко негативное отношение к проводимому им политическому курсу) были объявлены обязательными и для всех ученых-обществоведов, поскольку их закрепил лично Сталин в отредактированной им книге «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.). Поэтому эти вульгаризированные дежурные оценки и вытекающие из них положения из года в год повторялись не только в агитационно-пропагандистской, но и в научной литературе, чтобы продемонстрировать все «убожество» якобы совершенно «случайной» фигуры Керенского в российской истории.

В советской историографии сложился следующий стереотип образа Керенского: в личностном плане — это интеллектуальная посредственность, неврастеник, карьерист, демагог, позер и обманщик; как политик — явный «легковес», авантюрист, типичный мелкий буржуа, декларирующий «единение» всех классов российского общества, включая буржуазию, а на деле оказывающийся объективно прислужником последней. Весь его центристский политический курс в 1917 г.

сводился к продолжению опустылевшей народу войны и бесконечному ожиданию созыва всенародно избранного Учредительного собрания, решения которого якобы никак нельзя было предвосхищать³.

Конечно, далеко не все в этой съеме можно считать злым вымыслом. Ошибок и просчетов у Керенского-политика действительно было предостаточно, и его падение в конце октября 1917 г. оказалось вполне закономерным. И все же оценки его политической деятельности и человеческих качеств, напомиравшие, скорее, карикатуру, чем результат научного анализа, равно как и полное отлучение Керенского от демократии и революции и превращение в заурядного пособника буржуазии и врага трудового народа были откровенной и беспардонной идеологией. При этом оставалось неясным только одно: почему страна восемь месяцев терпела пребывание такого ничтожества у власти и больше того, даже создавала настоящий культ его личности? Было ли это следствием величайшего терпения русского народа и его «темноты» или здесь были виноваты происки «международной закулисы», тайного «масонского братства» и других «темных сил»? Или наконец все дело было просто в том, что Ленин приехал в Россию из Швейцарии только в апреле 1917 г., а до этого в новой политической элите страны, сложившейся после Февральской революции, не нашлось ни одной достойной фигуры, чтобы заменить царя и его министров?

Неизбежную в тогдашних условиях дань этой идеологизированной схеме отдали едва ли не все, в том числе и весьма маститые⁴, советские историки, писавшие о Керенском и его времени. И можно только порадоваться тому, что эта страница отечественной историографии ныне уже перевернута и, будем надеяться, навсегда. Тем важнее конкретно проследить, как на исходе XX в. постепенно складывался тот новый, более объективный, хотя и отнюдь не безоблачный, образ Керенского, который утверждается ныне в постсоветской российской историографии. При этом не может не радовать уже один тот факт, что на смену единственной — и притом довольно посредственной, тенденциозной и явно «антикеренской» — работе Д.Ф. Сверчкова 1920-х гг., посвященной персонально Керенскому, пришли теперь (как бы на выбор разным категориям читателей) сразу несколько книг об этом историческом деятеле, включая сугубо апологетические⁵ и даже конспирологическую⁶, а количество статей о Керенском исчисляется уже ныне многими десятками⁷.

Трудно переоценить то, прежде всего общественно-политическое, а потом уже и научное значение, которое имела для правдивого воссоздания образа Керенского публикация в 1990–1991 гг. в журнале «Вопросы истории» его автобиографических воспоминаний «Россия на историческом повороте», находившихся прежде в советских би-

библиотечных спецхранах, но зато неоднократно переизданных в последние годы отдельной книгой. Этот весьма субъективный (как и все мемуары) по своему характеру исторический источник тем не менее все же достаточно полно отражает многоплановую деятельность молодого юриста Керенского в 1905–1912 гг., его работу в IV Государственной думе и во Временном правительстве. Нельзя не согласиться с расхожим мнением, что эти и другие воспоминания Керенского⁸ довольно неполны в фактографическом отношении, страдают от многочисленных лакун, самооправданий, самовосхвалений и элементарных неточностей. Однако не надо забывать, что до эмиграции их автор не вел дневниковых записей и не вывез в 1918 г. за границу никаких документов, которые помогли бы ему в будущем как мемуаристу. Тем не менее в работе над книгой «Россия на историческом повороте», которая проходила много лет спустя после описываемых в ней событий, Керенский уже мог использовать трехтомное документальное издание распоряжений, указов и других актов законодательного характера, обнародованных Временным правительством в марте–октябре 1917 г.⁹, что, несомненно, позволило ему несколько освежить свою память и значительно прибавило достоверности этой его широко используемой ныне книге.

Без внимательного и вместе с тем критического анализа ее содержания трудно понять, в частности, причины немалых успехов Керенского в 1917 г., которые объяснялись созвучием его взглядов общему духу того переломного времени, умением ярко и образно говорить и общаться с самыми разными людьми, хорошей интуицией и способностью максимально сконцентрировать свою энергию на решении самых актуальных тогда проблем. Вместе с тем на страницах этих воспоминаний Керенский предстает перед нами и как ярко выраженный политический импрессионист и вдобавок очень нервный человек с резкими перепадами настроения, как деятель, допускающий ошибки и очевидные просчеты, неверно оценивающий людей и часто идущий на сомнительные кадровые и политические комбинации. Но тем не менее без мемуаров Керенского, где процитирован, между прочим, и ряд важных документов, не может обойтись сегодня ни один серьезный историк России начала XX в. и особенно 1917 г.

В 1991–1992 гг., на грани «перестройки» и постсоветского периода были извлечены из спецхрана и переизданы также трехтомные «Записки о революции» меньшевика-мартовца Н.Н. Суханова, где Керенскому, естественно, отведено немало места, хотя образ его начисто лишен там всякого комплиментарного романтического ореола и показан в развитии от носителя духа безбрежного митингового демократизма весны 1917 г. к безудержной погоне за личной властью, разного рода сомнительным интригам и ложным политическим шагам

летом и осенью того же года. Добавлю, что хроникально-мемуарная работа Суханова выглядит сегодня — после всех фальсификаций, приукрашивания или, наоборот, очернения событий 1917 г. — как достаточно правдивый и, главное, надежный источник по истории того судьбоносного для России времени.

В 1991 г. были переизданы также и мемуары лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, являвшегося в течение многих лет явным недоброжелателем Керенского, который во многом способствовал его отставке с поста министра иностранных дел весной 1917 г. Попутно заметим, что эта его дуэль с Керенским получила позже продолжение в 1918–1924 гг., когда Милюков написал и издал уже в эмиграции «Историю Второй русской революции», где продолжил разоблачение Керенского как крайне неудачливого русского государственного деятеля. В 2001 г. эта большая монография Милюкова, долгое время тоже находившаяся в спецхранах, была переиздана в Москве, дав историкам, в том числе и мне, большой фактический материал о ходе политической истории России в 1917 г. и о месте в ней Керенского. В 1991 г. было начато и репринтное переиздание уникального эмигрантского издания «Архив русской революции», где есть немало интересных воспоминаний и о Керенском. Все это было очень важно для начавшегося у нас переосмысления образа Керенского, в которое быстро включились и историки-профессионалы. В 1990 г. видный ленинградский ученый В.И. Старцев, который издал ранее несколько солидных монографий о деятельности Временного правительства, опубликовал интересную и во многом неожиданную для привыкшего уже к его исследовательской манере читателя статью «Керенский: шарж и личность»¹⁰. В ней он поставил перед собой задачу сделать первый шаг к освобождению во многом искаженного в советской историографии образа этого политического деятеля от прямого вымысла, всяческих недомолвок и однобоких идеологизированных штампов. Правда, увлекаясь в то время историей российского политического масонства, Старцев сделал принадлежность своего героя к этой организации своеобразным ключом, открывающим тайну многих политических успехов Керенского в 1917 г. Автор пишет, в частности, что именно масонство подготовило карьерный взлет Керенского весной и летом в 1917 г., а тот факт, что оно же якобы отреклось от него осенью того же года, способствовал, по мнению Старцева, его падению. Но суть очерка состоит, конечно же, не в этом достаточно сомнительном, и не поддающемся проверке тезисе, а в том, что Старцев наконец прямо поставил здесь вопрос о связи Керенского с российским освободительным движением и успехами Февральской революции, покончившей наконец с царизмом.

Правда, маститый автор по-прежнему считал тогда, что Керенский был в 1914–1917 гг. только социал-оборонцем, «остановившимся» на идее «непротиводействия» войне. Он не упоминал о его сдвиге к циммервальдизму в 1915–1916 гг. и неоднократных открытых призывах к новой революции в России в конце 1916 — начале 1917 г. Вместе с тем Старцев совершенно справедливо признал в этом очерке вклад Керенского в победу февральского переворота, хотя и назвал его при этом лишь «радикальным буржуазным демократом», поскольку термины «революционер» и «социалист», вероятно, казались ему здесь слишком громкими и излишне комплиментарными. Зато Старцев обратил внимание на знаменитую речь Керенского 29 апреля 1917 г. о «взбунтовавшихся рабах»¹¹, признал наличие в России настоящего культа его личности весной и летом 1917 г. и положительно оценил ту большую и яркую агитационную работу, которую он как военный министр провел в армии перед июньским наступлением.

В целом Старцев правильно определил позицию Керенского в 1917 г. как центристское лавирование между политическими полюсами и разновидность бонапартизма. Он не скрывает его ошибок и просчетов, число которых росло начиная с лета буквально с каждым месяцем, недоволен упрямством премьера и настоящим параличом его воли в сентябре и октябре, способствовавшим тому, что Россия прервала тогда свой путь к демократии¹². Финальный же вывод Старцева гласит, что в истории революционных событий 1917 г. нужно найти свое объективное место и для такой неординарной личности, как Керенский. И в этом с ним нельзя не согласиться.

Симптоматично было уже само название статьи А.Г. Голикова (истфак МГУ) «Феномен Керенского», появившейся в 1992 г. в журнале «Отечественная история»¹³. Здесь он предстает как некий символ русской революции 1917 г. и живое олицетворение сначала связанных с ней восторгов и ожиданий общества, а потом явного разочарования значительной его части в замедлении ее темпов, отказе от немедленных серьезных социальных преобразований и общем ухудшении обстановки в стране. Автор иллюстрирует свои выводы интереснейшими материалами о Керенском, которые публиковались в столичных газетах «Русское слово», «Утро России» и др., показывая, как весной и летом 1917 г. формировался культ личности Керенского в массовом сознании россиян, а потом, как шло развенчание недавнего героя.

В яркой по форме статье Голикова приведены и основные факты биографии Керенского за период с 1881 по 1917 г., и даже стихи — и в его честь, и с осуждением как премьера и Верховного главнокомандующего. «Ты не воля народа, не цвет, не зерно, / Ты вознесшийся колос бесплодный; / На картине времен ты всего лишь пятно, /

Только присказка к сказке народной», — писал о Керенском в середине октября 1917 г. поэт Константин Бальмонт. «Жизнь требовала иных подходов к разрешению сложившейся в России... ситуации. На авансцене отечественной истории все отчетливее виднелись уже другие фигуры...», — заканчивает свое эссе известный ныне историк-источниковед.

1993 год был отмечен выходом в свет в Чебоксарах тиражом в 10 тыс. экз. (!) уникального учебного пособия для студентов-гуманитариев под названием «Александр Керенский: любовь и ненависть революции. Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников». Его главным редактором стал один из ведущих петербургских историков Г.Л. Соболев, написавший и большую и взвешенную вводную статью «Александр Федорович Керенский. Штрихи к политическому портрету».

Здесь нет никакой идеализации героя и вместе с тем убедительно показано на конкретном материале, что к своему «звездному часу» в 1917 г. Керенский пришел отнюдь не как «человек ниоткуда». Это было особенно важно узнать вчерашним школьникам, которые начинали тогда знакомство с этим историческим персонажем, что называется, почти «с нуля». По оценке Соболева, Керенский — это расчетливый политический игрок с большими достижениями и столь же большими промахами, мастер компромиссов и сложных политических комбинаций, несомненный демократ, постепенно сползавший, однако, к недемократическим методам управления. Иначе говоря, он оказался заложником тех сложных и изменчивых ситуаций, которые с неиссякаемой фантазией режиссировала в 1917 г. сама российская действительность. При этом история отвела Керенскому, по мнению Соболева, роль руководителя, призванного навести порядок в царившем тогда в стране хаосе, — задача практически невыполнимая для политика-демократа, причем именно на решении ее он и споткнулся к концу своего премьерства.

Соболев выбрал для включения в книгу отрывки из мемуаров, дневников и статей таких разных (и в этом-то и была «изюминка» данной подборки) сторонников и противников Керенского, выдающихся политиков, представителей отечественной культуры и общественной мысли, как Л.Д. Троцкий, В.М. Чернов, И.Г. Церетели, Н.Н. Суханов, В.Д. Набоков, А.И. Куприн, Р.В. Иванов-Разумник и др. Первые читатель мог познакомиться здесь и с дневниковыми записями знаменитой поэтессы и общественной деятельницы З.Н. Гиппиус, которая начинала 1917 г. как восторженная поклонница Керенского, а заканчивала его полнейшим и бесповоротным разочарованием в этом своем недавнем кумире (эту часть книги подготовил Б.И. Колоницкий, с которым мы еще встретимся в настоящем историогра-

фическом очерке). Жаль, что этот своеобразный портрет Керенского остался недорисованным, поскольку эмигрантский период его жизни (1918–1970 гг.) оказался за рамками книги.

Принципиально важное, на мой взгляд, значение имел и биографический материал о Керенском, подготовленный М.М. Гориновым для словаря «Политические деятели России. 1917»¹⁴ под редакцией председателя Научного совета РАН по истории Октябрьской революции академика П.В. Волобуева. Вместо обычных в таких случаях дежурных и, конечно, обличающих Керенского ленинских цитат здесь можно было найти ссылки на различные документальные источники и прессу 1917 г., работы российских и зарубежных историков и воспоминания самого Керенского. Это позволило Горинову рассказать о пути молодого Керенского в Большую политику, его отношении к религии, масонству, марксизму. Подробно проанализирована роль Керенского в формировании первого коалиционного состава Временного правительства, его выступления на I Всероссийском съезде Советов, роль в подготовке наступления русской армии в июне 1917 г., отношение к корниловскому путчу и др.

В 1995 г. академическое издательство «Наука» выпустило в свет монографию Г.З. Иоффе «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов», о которой тоже хотелось бы вспомнить в настоящем историографическом очерке. Ее автор — видный советский историк, живущий ныне в Канаде, оставил яркий след в отечественной историографии событий 1917 г. В течение ряда лет он был активным членом той творческой группы, которая фактически подготовила трехтомную «Историю Великого Октября» (М., 1967–1968) Минца¹⁵. В 1989 г. Иоффе выпустил самую интересную, на мой взгляд, книгу о выступлении генерала Корнилова в августе 1917 г.¹⁶, содержащую и некоторые нетрадиционные оценки деятельности Керенского, а уже осенью 1990 г. впервые специально занялся и его биографией¹⁷.

Образ Керенского в монографии 1995 г. начисто лишен у Иоффе привычных советских штампов. Автор прямо пишет, что его революционность накануне Февральской революции шла по нарастающей, причем он был, по мнению автора, в некотором роде даже идеалистом и романтиком революции и в дальнейшем, несмотря на все свои политические маневры, «оставался, конечно, человеком, преданным демократическому режиму». Слово «мятеж» применительно к выступлению Корнилова против Керенского Иоффе неизменно берет уже в кавычки, подчеркивая, что премьеру очень хотелось бы оправдать свои решительные действия против генерала их «мятежным» якобы характером. Не случайно раздел о выступлении Корнилова заканчивается в книге следующим пассажем: «Тщательнейшим образом собирал Керенский малейшие доказательства в пользу существования

заговора и мятежа Корнилова. Любые возражения раздражали его, вызывали приступы гнева. Кажется, что и в могилу он сошел, угасающим слухом улавливая коварный вопрос: а был ли заговор, а может, заговора-то и не было?»¹⁸

Иоффе дает понять, что в той азартной и не очень честной со стороны всех ее участников игре, которую в июле–августе 1917 г. вели Керенский, Корнилов и Савинков, первый выглядел совсем не безгрешной жертвой, а методы его действий против Корнилова часто просто выходили за рамки общепринятой морали. При этом в конце августа Керенский явно стремился уже не к урегулированию конфликта с Корниловым, а к тому, чтобы вообще убрать генерала с политического поля, не отдавая еще себе, видимо, отчета в том, что это станет прелюдией к его собственному последующему поражению.

В 1996 г. Иоффе опубликовал в американском «Новом журнале» статью под названием «История русской революции в “Новом журнале”», где снова вернулся к вопросу о роли Керенского в событиях 1917 г. По его мнению, последний сыграл видную роль в Февральской революции и был даже главным действующим лицом при решении 3 марта вопроса об отречении вел. кн. М.А. Романова от престола, согласно последней воле его брата Николая II. Однако, пишет далее Иоффе, затем Керенский «очень быстро стал превращаться чуть ли не в главный предмет ненависти как левых, так и правых», и вряд ли можно категорически отрицать возможность эпизодических соглашений Керенского с Корниловым, поскольку с помощью последнего премьер порой рассчитывал «отсечь» от Временного правительства и от революции большевизм и вообще всех левых в Советах¹⁹.

В книге «Семнадцатый год...» тема Керенского получила у Иоффе и свое завершение в виде разделов об агонии Временного правительства после краха «корниловщины». Автор оставляет, однако, открытым вопрос: был ли осенью 1917 г. у молодой российской демократии последний шанс противостоять напору большевиков и предотвратить их победу 25 октября? В противовес преобладающему мнению современников этих событий и советских историков, писавших о неизбежности краха Керенского и «керенщины», Иоффе оставляет место и для альтернативного ответа, указывая на возможный альянс Керенского с Корниловым и подчеркивая роковую пассивность премьера в защите демократии в решающий момент столкновения с большевиками²⁰. От себя добавлю, что в исторической ретроспекции, с учетом постсоветского опыта демократизации России и попыток создания в ней гражданского общества, все попытки, предпринятые Керенским в этом направлении в 1917 г., выглядят сегодня совершенно неспособными для отдельно взятого человека и тем более конкретно для Керенского. Поэтому и оптимизм Иоффе в данном случае представ-

ляется мне не очень оправданным. Более реальной была бы договоренность Керенского с Корниловым и Савинковым, но и она, видимо, могла бы носить лишь сугубо временный и условный характер, в частности и потому, что авторитетные тенденции в поведении Керенского во второй половине 1917 г. все же имели свои границы, тогда как ставка его возможных политических партнеров на установлении военной диктатуры представляется мне вполне очевидной и совершенно безусловной.

Первая полнометражная (более 12 п. л.) биография Керенского увидела свет в 1996 г. в Саратове. Называлась она предельно просто — «Александр Федорович Керенский», и авторами ее были три историка — М.И. Басманов, Г.А. Герасименко и К.В. Гусев, причем написанные ими разделы располагаются в книге как раз в обратном порядке. Гусев рассказал о жизни Керенского до 1917 г., Герасименко — о 1917 и начале 1918 г., а Басманов впервые в советской историографии — о Керенском-эмигранте (1918–1970 гг.), причем его содержательные главы занимают примерно 40 % общего объема книги, что можно только приветствовать. К сожалению, источниковая база книги небогата — это в основном уже упоминавшиеся выше мемуары Керенского и Суханова, а также многочисленные советские документальные публикации о революционном движении в 1917 г. Тем не менее достоинства этой работы совершенно очевидны, и к ним можно отнести:

отсутствие заранее заданного предвзятого отношения к Керенскому как к сугубо отрицательному персонажу российской истории;

признание наличия у него ряда важных положительных качеств (огромной энергии, незаурядной работоспособности, ораторского дара, интуиции, смелости в экстремальных ситуациях), которым, однако, противостояли огромная жажда власти и славы, авантюризм и политический импрессионизм;

удачная реконструкция механизма завоевания Керенским популярности у неискушенных в политике широких народных масс (бьющий в глаза показной демократизм, страсть к публичным выступлениям, постоянная апелляция к идеалам свободы, равенства и братства, повышенное внимание к идеологической обработке солдат и офицеров, умелое подчеркивание своих противоречий с деятелями более правых взглядов, постоянные ссылки на перегруженность революционной работой, усталость и т. д.);

акцентирование внимания на принципиальных ошибках Керенского-политика — затягивании сроков созыва Учредительного собрания, откладывание до этого момента решения наиболее острых социальных вопросов и вопроса о выходе России из войны;

достаточно полный анализ карательной политики Керенского в июне–октябре 1917 г., особенно в армии и в деревне, и ответного протестного движения трудовых масс;

показ финала политической карьеры Керенского в России после его отъезда из Петрограда утром 25 октября, включая жизнь в подполье (ноябрь 1917 — июнь 1918 г.);

целостное освещение всего жизненного пути героя книги — от рождения до смерти;

использование нового важного историографического источника — англоязычной биографии Керенского, написанной Р. Эйбрехом (Abraham R. Alexander Kerensky. *The First Love of Revolution*. L., 1986)²¹.

К сожалению, есть в книге трех авторов и явные слабости: поверхностно освещена деятельность Керенского в Государственной думе (1912–1917 гг.), совершенно недостаточно одного простого упоминания о корниловском мятеже (с. 117), нарушен принцип историзма при обосновании теоретических взглядов Керенского в 1917 г. гораздо более поздними его высказываниями уже эмигрантского периода. Допущены в ней и отдельные (правда, немногочисленные) фактические неточности²².

Внимания, несомненно, заслуживает и серия работ петербургского историка Б.И. Колоницкого — энергичного, современно мыслящего и чрезвычайно эрудированного исследователя среднего поколения (он работает на стыке истории, культурологии и социальной психологии), который уже внес серьезный вклад в анализ деятельности Керенского в 1917 г.²³ Его привлекает, в частности, вопрос о причинах формирования после Февральской революции культа Керенского как особого психоментального и социокультурного феномена, корни которого уходят, с одной стороны, в особенности русского национально-го характера с его поразительной доверчивостью к «хорошему» царю и вождю, а с другой — заключаются во влиянии на массы той революционной эйфории, в атмосфере которой жили демократические слои российского общества после свержения царизма и для которой были характерны настроения всеобщего братства, национального единения, патриотизма и особого уважения к общечеловеческим ценностям, а также к вождям революции. При этом Колоницкий делает два очень важных замечания: во-первых, к возвеличиванию собственной личности приложил руку и сам охотно занимавшийся саморекламой Керенский, а во-вторых, в России подобное слепое и нередко доходящее до психоза поклонение тому или иному деятелю могло быстро смениться глубоким разочарованием, что и случилось к осени 1917 г. с обманувшим ожидания россиян премьером.

Очень интересна собранная Колоницким коллекция эпитетов, которыми наделяла Керенского весной 1917 г. российская пресса: «рыцарь революции», «львиное сердце», «солнце (гений) русской свободы», «пророк и герой революции», «спаситель Отчизны», «вождь народа» и т. д. и т. п. Характерно, что улица Столыпина в Киеве была быстро переименована тогда в улицу Керенского. Эти факты во многом объясняют и то, что случилось с именами Ленина и Сталина к середине XX в., и то, как резко изменилась эта самая ситуация в наши дни.

Хорошо раскрыты Колоницким и те приемы, с помощью которых Керенский завоевывал себе популярность в массах (вошедшая у него в привычку практика рукопожатий с простыми людьми, выступления на митингах «без бумажки», скромная одежда, подчеркивание своей неразрывной связи с народом, частое упоминание демократии и социализма как основополагающих целей его деятельности, критика эгоизма имущих классов и т. д.). В этой связи нельзя не упомянуть и мастерский анализ Колоницким той дешевой и не очень качественной литературы, которая в 1917 г. буквально наводнила Россию с целью популяризации образа «народного министра» Керенского, его дореволюционной деятельности по защите интересов народа в царской Думе, поездках на фронт с патриотическими выступлениями перед солдатами и офицерами и т. д. Специально остановился Колоницкий и на теме «Керенский и евреи».

Правда, вряд ли можно согласиться с ним в том, что Керенский был центральной фигурой Февральской революции (такой фигуры, на мой взгляд, вообще не было), но зато он прав, когда отказывается от фетишизации масонского фактора в его политической биографии, признает наличие связей лидера Трудовой группы в Думе с революционным подпольем в 1915 — начале 1917 г. и считает день 27 февраля 1917 г. решающим для последующего возвышения Керенского, который именно тогда впервые завоевал репутацию народного вождя.

Не обойден вниманием Керенский и в работах видного российско-го историка теперь уже старшего поколения В.П. Булдакова с его знаменитой «Красной смутой»²⁴. Для него «крестный путь» Керенского в 1917 г. отнюдь не является загадкой, отразив, с одной стороны, естественную тягу россиян после нескольких веков авторитарного правления царей к демократии, а с другой — их неготовность отстаивать эту демократию не на словах, а на деле, используя для этого, в частности, и одну из базовых черт своего национального коллективного поведения — терпение. В то бурное смутное время, каким стал в России 1917 г., никто не хотел терпеливо ждать перемен к лучшему, чего никак не хотел понять Керенский, «забалтывавший» революцию в ожидании якобы всемогущего и мудрого Учредительного собрания,

которое оказалось на деле одним из исторических фантомов, так и не получивших в январе 1918 г. возможности сказать народу свое веское и якобы решающее слово.

Булдаков много пишет сначала о культе Керенского, а потом о его развенчании в 1917 г., иллюстрируя этот раздел своей книги блестящей коллекцией самых разнообразных и разновременных его характеристик, принадлежавших представителям самых разных социальных слоев, политических партий и деятелям литературы, искусства и науки нашей страны. Падение репутации Керенского — от признания его «первым гражданином революционной России» до прямого поношения, издевок и оскорблений — отнюдь не было, по мнению Булдакова, чем-то уникальным в истории нашей страны Новейшего времени. Это явление органически вписывалось в понятие «смуты», т. е. крупномасштабного комплекса общероссийских кризисов времен Первой мировой войны, революций 1917 г., Гражданской войны и перехода к тоталитаризму. Она затронула сферы экономики, политики, идеологии, а также вызвала психоментальные «сбои» у всех слоев российского социума. Ее синонимами являются хаос, распад, разруха, разного рода социальные массовые психозы при одновременном появлении самых необычных массовых иллюзий (вроде мировой антиимпериалистической революции), тяги к духовному и нравственному очищению и радикальным переменам везде и во всем.

Булдаков считает, что разочарование россиян в Керенском было обусловлено тем, что его волевые импульсы оказались слабы, ценностные ориентации расплывчаты, а эмоциональная аура — неустойчива. Премьеру, по его мнению, был бы крайне полезен союз с Корниловым, который отнюдь не являлся «чемпионом контрреволюции», но Керенский с подачи В.Н. Львова поспешил объявить генерала «мятежником» и убрать с политической арены. При этом так и осталось неясным, что сыграло здесь главную роль — боязнь соперничества со стороны Корнилова или вдруг проснувшаяся в Керенском старая приверженность идеалам демократии?²⁵ На мой взгляд, здесь было и то, и другое, поскольку амплитуда колебаний премьера между тягой к диктатуре и отворачиванием к ней, особенно к диктатуре военных, к осени 1917 г. была уже очень велика. В целом же Керенский явился и одним из творцов «красной смуты», и вместе с тем ее жертвой.

Ценный материал о роли Керенского в определении политики Временного в отношении национальных регионов бывшей Российской империи можно найти в другой фундаментальной работе В.П. Булдакова «Этнос и хаос. Этнические конфликты в России. 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментариев, анализ» (М., 2010. 90 п. л.). Материалы этой книги также нашли отражение в настоящем издании.

На сегодняшний день самой обстоятельной русскоязычной биографией нашего героя является книга В.П. Федюка «Керенский», изданная в 2009 г. в серии ЖЗЛ. Она обладает значительным информационным зарядом и заполняет давнюю лакуну в отечественной историографии. При этом очень важно, что Федюк выполнил свое обещание (с. 95) быть объективным в освещении описываемых событий и сложной личности Керенского. Да и написана она интересно.

Федюк отнюдь не идеализирует Керенского и не считает его ни глубоким и тем более оригинальным мыслителем, ни крупным политиком, ни безупречным в нравственном отношении человеком, с чем вполне можно согласиться. Однако у этого деятеля нельзя все же отнять, пусть с некоторыми оговорками, его демократизма, революционности и ориентации (хотя бы в очень туманном российском будущем) на социализм эсеровского толка, о чем пишет Федюк. Убедительно и нестандартно изложен автором ряд очень сложных сюжетов: «украинский вопрос», июньские и июльские события в Петрограде, «двоевластие» (Федюк склонен продлить этот период до октября 1917 г.), характеристика генерала Л.Г. Корнилова и его выступления (кстати говоря, оно не трактуется больше Федюком как «мятеж»), сложные отношения Керенского с Савинковым и др. Есть, правда, в его книге некоторые мелкие фактические неточности²⁶, но они не меняют общей высокой оценки этой работы.

Представляется, что воссозданный Федюком образ Керенского достаточно правдив, исторически и психологически точен и достоверен. Откровенно говоря, я не отнес бы Керенского к числу «замечательных людей», украсивших историю России, хотя он, несомненно, был фигурой знаковой и примечательной. Но это замечание относится, скорее, к издателям книги Федюка из «Молодой гвардии», а не к нему самому. Читатель же наверняка вынесет из его книги впечатление, что Керенский отнюдь не был некоей исторической случайностью, отразив и мощный порыв своих соотечественников к свободе и демократии после свержения царизма, и вместе с тем незрелость и хрупкость этой последней в 1917 г., что и привело к быстрой замене ее большевистской диктатурой.

Объективности ради нужно сказать и о том, что время от времени и сейчас появляются еще весьма кратические, но уже антикоммунистические по своей направленности характеристики Керенского. Так, в учебнике «История России. XX век. 1894–1939» (М., 2009) под ред. профессора МГИМО А.Б. Зубова читаем: «Наиболее энергичным и популярным членом Временного правительства был министр юстиции Керенский — хороший оратор, демагог, сам пьяневший от своих речей...» Он умел наэлектризовать толпу, депутатов Думы и солдат на фронте. Верующий человек, Керенский обладал, однако, болезнен-

ным самолюбием, властолюбием и тщеславием, постоянно имитируя в своем поведении Николая II. В книге проводится та мысль, что в октябре 1917 г. Россия пала жертвой двух заговоров — большевистского и масонского, причем Ленин «обвел масонов вокруг пальца», а «страхи и слабости Керенского стали идеальным прикрытием для большевистской попытки захвата власти». В заключение о Керенском, однако, говорится, что в эмиграции он много передумал и во многом раскаялся, став человеком не просто верующим, но глубоко Православно церковным²⁷.

В целом же в постсоветский период изменилась, прежде всего, сама тональность подачи образа Керенского читателю. Она стала более взвешенной, сдержанной, а в чем-то даже сочувственной. Керенского уже не зачисляют в лагерь деятелей, предававших интересы народа, и в соответствии с современными международными (не всегда совпадающими с ленинскими) стандартами, характеризуют в целом как демократа, революционера и социалиста без кавычек, не относят к числу «корниловцев» и признают его заслуги в деле демократизации постфевральской России. Что касается причин его стремительного взлета и падения в 1917 г., то они делятся теперь между личными достоинствами и недостатками Керенского, с одной стороны, и теми условиями места и времени, в которых ему довелось действовать в России. При этом значительно расширился и круг мемуарных источников о Керенском за счет бывшей спецхрановской литературы, его воспоминаний и материалов прессы.

В предлагаемой вниманию читателей книге я стремился, прежде всего, закрепить все то положительное, что было сделано моими ближайшими предшественниками, углубив и расширив при этом трактовку ряда сюжетов, связанных с деятельностью Керенского в IV Государственной думе, отношениям с арестованной царской семьей, его работой по подготовке летнего наступления русской армии 1917 г., позиций в период корниловского путча и др. Кроме того, в обширных примечаниях освещаются, например, такие темы, как история думской Трудовой группы, в которую он вошел в конце 1912 г., а затем и возглавил; отношение Керенского к проблемам двоевластия, июльского кризиса 1917 г. и «немецкого золота большевиков»; ретроспективные оценки «корниловщины» деятелями русской эмиграции в 1920-е гг. Сквозной в книге является проблема взаимоотношений Керенского и Ленина. Пожалуй, впервые в историографии сделана попытка как-то систематизировать реальные, а не мнимые политические ошибки и кадровые просчеты Керенского, показав при этом те реальные трудности, с которыми он столкнулся как министр, а потом и как глава Временного правительства.

Как и любому автору, мне хотелось бы надеяться, что «мой» Керенский будет ближе к человеческому и политическому оригиналу, чем Керенский традиционный, и что, оценивая его государственную деятельность, мы не будем забывать о том наследии, которое он как политик получил от многих предшествующих веков российской истории, и с каким морем сложнейших проблем ему пришлось столкнуться в 1917 г. Вот почему его фигура представляется мне во многом трагической. А это значит, что ответственность за провал в России демократии «по Керенскому» лежит не только на нем одном или даже на всем Временном правительстве, но и на российской политической элите и всем обществе в целом, оказавшемся не готовым к выходу из кризисной ситуации демократическими методами.

В настоящей работе использован достаточно широкий, хотя и не исчерпывающий круг исторических источников, в том числе и многие новейшие документальные и мемуарные публикации. Вместе с тем я уверен, что тема Керенского еще отнюдь не закрыта и ее разработка может быть продолжена другими исследователями, которым еще предстоит серьезная работа над эмигрантским (1918–1970 гг.) периодом его жизни и политической и литературной деятельности с использованием зарубежных опубликованных и архивных источников.

В процессе работы над рукописью этой книги мною были опубликованы в 2009–2011 гг. три статьи по данной теме²⁸.

Я благодарю всех, кто помогал мне в работе, и особенно В.В. Шелохаева и И.А. Христофорова, активно содействовавших моим поискам необходимых источников и литературы по теме, а также Л.С. Новоселову-Чурсину, составившую к книге именной указатель.

¹ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31, 32, 34. Ориентиром в поисках соответствующих ленинских высказываний может служить рубрика «Керенский» в именных указателях к соответствующим томам Полного собрания ленинских сочинений.

² См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 348.

³ Говоря о конкретном воплощении этой схемы, ограничусь лишь одним, но очень ярким примером. Так, блюститель коммунистической ортодоксии профессор МГУ Е.Д. Черменский выпустил в 1976 г. книгу «IV Государственная дума и свержение царизма в России», где, естественно, не мог не коснуться и депутатской деятельности Керенского. Но как он это сделал? Многочисленных выступлений молодого депутата-трудовика в защиту демократии и интересов крестьянских и рабочих масс на первых двух думских сессиях 1912–1914 гг. Черменский предпочел вообще не заметить, как и его яркой речи 26 июля 1914 г. в связи со вступлением России в Первую мировую войну. Керенский появляется на страницах монографии лишь при анализе работы январской думской сессии 1915 г., где он выступил якобы как шовинист, лишь прикрывающийся

революционной фразеологией (с. 77). Между тем Керенский в этой речи критиковал правительство и защищал пятерку арестованных депутатов-ленинцев, которым грозил расстрел за «пораженческую» якобы позицию в период войны. О речах Керенского на летней сессии Думы 1915 г. Черменский снова умолчал, хотя лидер трудовиков призывал там ни много ни мало как к созданию в России коалиционного либерально-социалистического правительства. Ни слова в его книге нет и о резких антиправительственных речах Керенского 1 ноября 1916 и 15 февраля 1917 г., где он призывал, в частности, в борьбе с царизмом повторить подвиг Брута, убившего во времена Древнего Рима диктатора Юлия Цезаря. Приведенные примеры, число которых легко умножить, делают тенденциозность историков типа Черменского более чем очевидной.

¹ Это относится, в частности, к академику И.И. Минцу — автору «Истории Великого Октября». В 3 т. (М., 1967–1973; 2-е изд. 1977).

⁵ См., например: *Стронгин В.Л.* Керенский. Загадка истории. М., 2004; *Канин В.Г.* Керенский. Не может быть демократии без свободы и социальной справедливости. М., 2006.

⁶ В 2007 г. увидела свет книга *Н. Старикова* «1917: не революция, а спецоперация», где утверждалось, что все события этого судьбоносного для России года происходили якобы по сценарию, разработанному английской разведкой. По ее замыслу, Керенский должен был окончательно развалить русскую армию, озлобить население искусственно созданными экономическими трудностями, задержать проведение радикальных социальных реформ до созыва Учредительного собрания и в итоге открыть дорогу к власти большевикам, при которых наша страна, к неопишуемой радости Англии, окончательно перестала бы быть великой мировой державой. Естественно, в книге Старикова нет никаких указаний на то, когда, при каких обстоятельствах и за какое вознаграждение Керенский стал английским агентом.

Через три года тот же Стариков опубликовал еще более сенсационную заметку под броским названием «На старости лет Керенского мучила совесть» (Комсомольская правда. 2010. 28 октября — 10 ноября). Там он довел свою фантастическую версию до полного абсурда, заявив, что в октябре 1917 г. Керенский по команде тех же английских спецслужб передал власть своему однокашнику (?) Ленину и благополучно уехал в Лондон. Большой вред, по словам Старикова, принес России только Гитлер. Керенский же погубил миллионы россиян и даже призывал будто бы нанести по СССР ядерный удар.

⁷ Подробный перечень и краткую аннотацию нескольких десятков материалов самого разного характера и достоинства о Керенском, появившихся еще в СССР и в постсоветской России см.: *Труфанов М.П.* Александр Федорович Керенский в публицистике и историографии // *Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 496–499. Эта по-своему уникальная библиографическая и историографическая справка была опубликована в конце впервые изданной на русском языке монографии Керенского «История России», рукопись которой находится в его фонде в архиве Техасского университета в г. Остине (США).

⁸ В поисках заработка, ради самооправдания и саморекламы Керенский неоднократно обращался к мемуарному жанру. См., например: Дело Корнилова. М., 1918 (Pre-lude to Bolshevism: The Kornilov Rebellion. London, 1919); The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution. New York; London, 1927; Erinnerungun. Vom Sturz des Zarentums bis zum Lenins Staatsreich. Dresden, 1928; Crucifixion of Liberty (Распяятие свободы). New York, 1934; Из воспоминаний // Современные записки (Париж). 1928. № 37; 1929. № 38, 39. В постсоветской России из них изданы: Революция в России. 1917. М., 2005; Прелюдия к большевизму. М., 2006; Потерянная Россия. М., 2007.

⁹ Речь идет о трехтомной подборке документов под названием «The Russian Provisional Government. Documents». Vol. I–III. Stanford, 1961 («Русское Временное правительство. Документы»). В подготовке издания участвовали сам Керенский и американский историк Р. Браудер. В основу его были положены материалы, печатавшиеся в 1917 г. в Петрограде в газете «Вестник Временного правительства» с добавлением некоторых материалов, появившихся в эмигрантской прессе уже после отъезда Керенского за границу.

¹⁰ См.: Диалог. 1990. № 16.

¹¹ В этой речи Керенский с огромной тревогой поставил буквально мучивший его вопрос: превратятся ли рабочие, солдаты, крестьяне — эти «взбунтовавшиеся рабы», выросшие в царской России, но совершившие или по крайней мере принявшие Февральскую революцию 1917 г., — в сознательных граждан, готовых защищать ее завоевания и работать над созданием в стране принципиально нового общества свободных людей? Подробнее об этом см. в гл. 5 настоящей работы.

¹² См.: *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 85–86. Характерно, что ответственность за недемократический характер советского общества Старцев разделил между большевиками и позволившим им прийти к власти Керенскому.

¹³ См.: Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73.

¹⁴ См.: *Горинов М.М.* Керенский А.Ф. // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 143–149.

¹⁵ В нее входили также В.И. Миллер, Е.Г. Гимпельсон, Е.А. Луцкий и др. (см.: *Иоффе Г.З.* Было время... Иерусалим, 2009. С. 118–119).

¹⁶ См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Л.Г. Корнилов. М., 1989.

¹⁷ См.: Лидер (Слово лектора). 1990. № 10. С. 34–37. Статья Иоффе «Зритель без бинокля» представляла собой комментарий специалиста к опубликованной в том же номере журнала подборке высказываний петроградских журналистов о Керенском, относящихся к лету 1917 г.

¹⁸ *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год... С. 144, а также 23, 24, 37, 118, 119, 122.

¹⁹ См.: *Иоффе Г.З.* История русской революции в «Новом журнале» // Новый журнал. 1996. № 202. С. 252–255.

²⁰ См.: *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год... С. 189. Автор ссылается при этом на мнение видного русского философа Ф.А. Степуна, который в 1917 г. работал некоторое время в Военном министерстве, а в 1922 г. был выслан из Советской России. Степун считал, что вина Керенского состоит не в том, что он вел Россию по неправильному пути, а в том, что он вел ее по правильному, демократическому пути, но вел «недостаточно энергично» (см.: *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. М.: СПб., 1995. С. 393). Характерно, что еще в 1989 г. в книге «Белое дело». Генерал Корнилов» Иоффе не видел в Керенском «корниловца» и писал, что Временное правительство в общем и целом вело страну по демократическому пути (с. 92). Самой большой ошибкой Керенского Иоффе считал летнее наступление русской армии (с. 82).

²¹ Ричард Эйбрехем (Абрахам) — английский историк, к сожалению, малоизвестный в России. Помимо книги о Керенском, он был еще соавтором книги «Рождение новой России» (1983) и автором монографии «Роза Люксембург: жизнь для Интернационала» (1989). В журнале «Отечественная история» (1992. № 3) была опубликована его рецензия на книгу Р.Б. Маккина «С.-Петербург между революциями. Рабочие и революционеры. Июнь 1907 — февраль 1917», где Эйбрехем продемонстрировал завидную эрудицию и стремление найти новые подходы к истории российского пролетариата в межреволюционный период, что сближало его с творческими поисками прогрессивных советских историков «нового направления» (1960-е — начало 1970-х гг.).

Большая, 500-страничная книга Эйбрехема «Александр Керенский. Первая любовь революции» увидела свет в 1986 и 1987 гг. сначала в Лондоне, а потом в Нью-Йорке. Автор собрал практически весь доступный ему на Западе материал о своем герое (в СССР он не приезжал), встречался с его первой женой О.Л. Барановской и ее детьми, проявил интерес к нетрадиционным советским публикациям, где речь шла и о Керенском, в частности к моим ранним работам о периоде Первой мировой войны. Несомненной заслугой Эйбрехема было введение в научный оборот дневников французского социалиста А. Тома, приезжавшего в апреле–мае 1917 г. в Россию и неоднократно встречавшегося с Керенским, уникальная информация Тома о позиции которого представляет большой научный интерес. О масштабах проделанной Эйбрехемом книги работы говорит хотя бы тот факт, что в его книге действуют несколько сот самых разных персонажей и тщательно прописан исторический фон, на котором разворачивается ее сюжет.

Керенский привлек внимание Эйбрехема, прежде всего, своей приверженностью идеалам демократии, но его книга выгодно отличается от тех откровенно антикоммунистических работ о русской революции, которые заполняли тогда западный книжный рынок. В книге прослеживается весь жизненный путь Керенского, но основное внимание, естественно, уделено его российскому (1881–1918 гг.) этапу. В 1992 г. в журнале «История СССР» (№ 1) была опубликована небольшая, но очень благожелательная рецензия Г.З. Иоффе на книгу Эйбрехема, в которой откровенно указывалось, что российские историки, к сожалению, отстали от своих западных коллег, занимающихся изучением истории революций в России, и это отставание обязательно нужно преодолеть, учитывая, в частности, и такие западные работы, как книга Эйбрехема.

²² Так, например, экстренная сессия Думы 26 июля 1914 г. происходила после, а не до начала мировой войны; следующая думская сессия прошла не 6, а 27–29 января 1915 г., а никакой весенней сессии 1915 г. вовсе не было (с. 52–53), т. к. автор спутал ее с сессией 1916 г., где Керенский действительно выступал по поводу законопроекта о равноправии крестьян. 1 ноября 1916 г., выступая в Думе, Керенский не мог поддержать Милюкова, обвинявшего правящие верхи в «глупости или измене», т. к. говорил перед ним, а не после него (с. 55). Лидер радикально-демократической партии масон И.Н. Ефремов был товарищем председателя, а не председателем IV Государственной думы (с. 106).

²³ См.: *Колоницкий Б.И. А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 г.* // Литературное обозрение. 1991. № 3; *Его же. Британская миссия и А.Ф. Керенский (март–октябрь 1917 года)* // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998; *Его же. Культ А.Ф. Керенского. Образы революционной власти* // Отечественная история. 1999. № 4; *Его же. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года.* СПб., 2001. С. 314–321; *Его же. Легитимация через жизнеописание: биография А.Ф. Керенского (1917 год)* // История и повествование. М., 2006; *Его же. Александр Керенский как «жертва евреев» и «еврей»* // Еврейский обозреватель. 2008. № 3–4; *Его же. Керенский как «новый человек» и новый политик: к изучению генеалогии культа личности* // Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX–XX в.). СПб., 2010; и др.

²⁴ См.: *Булдаков В.П. Красная смута.* М., 1997; *Его же. Quo vadis? Кризисы в России: пути преодоления* (М., 2007); *Его же. Красная смута. 2-е изд. (90 пл.).* М., 2010; и др.

²⁵ См.: *Булдаков В.П. Красная смута. 2-е изд. С. 393–399* и др.

²⁶ Приведем несколько примеров таких неточностей. На с. 65 Федюк пишет, что 26 июля 1914 г. на экстренной сессии Думы по случаю начала мировой войны прозвучали якобы две декларации социал-демократов — большевистская (ее, если верить Федюку, огласил Г.И. Петровский) и меньшевистская (с ней будто бы выступил Н.С. Чхеидзе). На самом деле с единой декларацией двух фракций РСДРП выступил меньшевик В.И. Хаустов. Неверно датирована на с. 70 и речь Керенского в Думе в ноябре 1916 г. Лидер трудовиков произнес ее не 3, а 1 ноября и закончил словами: «Они (указывает на места правительства) должны уйти, они являются предателями интересов страны», после чего по требованию председателя Думы Родзянко должен был покинуть трибуну. В 1917 г. Дума начала заседать 14, а не 15 февраля, причем на последнем ее заседании 25 февраля была назначена и дата следующего заседания — 28, а не 27 февраля (с. 75), но оно уже не состоялось из-за царского указа о перерыве в работе Думы. А.Д. Протопопов никогда не был премьер-министром, как сказано на с. 174, как и А.В. Пешехонов — министром юстиции (с. 176). 3 сентября 1917 г. было объявлено о созыве Демократического совещания, а не Предпарламента (с. 316). Заседание ЦК РСДРП(б) состоялось 16, а не 15 октября (с. 319), а Каменева звали не Леонидом, а Львом (с. 322).

²⁷ См.: История России. XX век. М., 2009. С. 394–396, 442–443.

²⁸ См.: Тютюкин С.В. Александр Керенский в период работы IV Государственной думы (1912 — февраль 1917 г.) // Основные проблемы российской государственности и культуры. М., 2009; *Его же*. Еще раз о феномене Керенского // Достоинство историка. К 90-летию академика Ю.А. Полякова. М., 2011; *Его же*. Александр Керенский: на пути к власти // Историк и его время. К 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2011.